

Б. В. ГОРНУНГ, В. Д. ЛЕВИН, В. Н. СИДОРОВ

ПРОБЛЕМА ОБРАЗОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ ЯЗЫКОВЫХ СЕМЕЙ *

Научная значимость проблемы образования и развития языковых семей подчеркнута И. В. Сталиным в его гениальном труде «Марксизм и вопросы языкознания».

«Н. Я. Марр,— говорит И. В. Сталин,— высокомерно третирует всякую попытку изучения групп (семей) языков, как проявление теории „праязыка“. А между тем нельзя отрицать, что языковое родство, например, таких наций, как славянские, не подлежит сомнению, что изучение языкового родства этих наций могло бы принести языкознанию большую пользу в деле изучения законов развития языка»¹.

Еще Энгельс в «Анти-Дюринге» писал: «материя и форма родного языка» только тогда могут быть поняты, когда прослеживают его возникновение и постепенное развитие, а это невозможно, если оставлять без внимания, во-первых, его собственные омертвившие формы и, во-вторых, родственные живые и мертвые языки»². Высоко оценивая работы западно-европейских ученых³, создавших «историческое языкознание, которое так сильно и плодотворно развивается в последние 60 лет»,— Энгельс блестяще применил сформулированное им положение в своей работе «Франкский диалект», составляющей часть исследования «К истории древних германцев». В этом исследовании он исходит из единства происхождения не только германских, но и всех индоевропейских языков, древнейших носителей которых он рассматривает как «крупную племенную группу», как группу «народов, языки которых группируются вокруг древнейшего из них — санскритского»⁴. Все дальнейшее исследование Энгельса исходит из признания единства происхождения германских языков как одной из групп индоевропейских языков. Энгельс все время имеет в виду языковое родство, и из классификаций германских племен, принадлежащих античным авторам, он считает наиболее достоверной классификацию Плиния Старшего по той причине, что она «более всего соответствует более поздним фактам и дошедшим до нас остаткам языка»⁵. «Классификация Плиния,— говорит Энгельс,— с поразительной точностью соответствует действительной группировке известных впоследствии германских наречий»⁶.

* Доклад, прочитанный на Объединенной сессии институтов Отделения литературы и языка и Отделения истории и философии АН СССР, по методологии этногенетических исследований 30 октября 1951 г.

¹ И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1951, стр. 33—34.

² К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XIV, стр. 327.

³ Труды русских ученых Востокова, Буслаева и Срезневского не были известны Энгельсу.

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XVI, ч. I, стр. 341.

⁵ Там же, стр. 350.

⁶ Там же, стр. 351.

Лингвистическое понимание родственных отношений между племенами последовательно проводится Энгельсом вплоть до самых частных вопросов. Так, например, для того чтобы обосновать свою единственную поправку к Плинию — отнесение херусков к саксонской группе племен (т. е. к ингевонам, а не к гермиеонам, как их относит Плиний), — Энгельс указывает, что «как раз в древней земле херусков в наибольшей чистоте сохранилось старое саксонское *a* в окончании родительного падежа множественного числа и в слабом склонении существительных мужского рода в противоположность господствующему в Вестфалии *o*»⁷.

Исследуя франкский диалект, Энгельс во многом разошелся со взглядами современных ему германистов и критиковал их. Это расхождение в конкретных выводах последователи Н. Я. Марра пытались истолковать как коренное расхождение Энгельса с основными положениями сравнительно-исторического метода, якобы им отрицавшегося. Эта созданная марристами фальсификаторская легенда выдвигалась еще во время лингвистической дискуссии в газете «Правда» в 1950 г. Так, проф. Н. С. Чегодамов писал в своей дискуссионной статье, что в своей работе «Франкский диалект» «Энгельс решительно восстает против традиционной классификации немецких диалектов, построенной на основе сравнительно-исторического метода и компаративистской схемы развития языка»⁸.

Такое извращение взглядов Энгельса является совершенно недопустимым, равно как недопустимой является и недооценка отличий подлинно исторического подхода Энгельса к изучению языка от схематической абстрактной трактовки языковых явлений у подавляющего большинства буржуазных компаративистов. Даже там, где немногие из них пытаются связать историю языка с историей народа, они рассматривают последнюю с позиций идеализма и оказываются не в состоянии дать научный исторический анализ связи этих двух процессов. Работы Энгельса остаются для нас образцом применения приемов сравнительно-исторического исследования родственных языков и диалектов одного языка на основе марксистского исторического метода.

Сравнительно-историческое языкознание в целом накопило большое количество ценных фактов, выдвинуло и развило ряд плодотворных принципов и положений, которые должны быть подвергнуты в советской науке о языке критическому рассмотрению.

Одним из главных заблуждений сравнительного языкознания XIX в. было упрощенное, схематическое представление о прямолинейном распадении языков-основ на отдельные части. Схематически это изображалось в виде так называемого «родословного дерева» (схемы Шлейхера, Лотнера, Фикка и др.; ср. также изложение А. А. Шахматова в его «Введении в курс истории русского языка»). В ряде случаев авторы таких схем представляли себе «распадение праязыка» как единовременный акт, что давало при графическом изображении вырастание из общего «ствола» целого пучка «ветвей». В других случаях схемы представляли собой бесконечные бифуркации. Всей сложности языкового развития сравнительное языкознание XIX в. не учитывало, так как оно в большинстве случаев изучало историю языка в отрыве от истории народа, его творца и носителя. Постепенный отход от упрощенных схем стал возможен только в конце XIX в. в связи с развитием исторической диалектологии как особой лингвистической дисциплины. Однако ее достижения крайне медленно оказывали влияние на понимание языковых процессов доисторических эпох, связанных с образованием языковых семей и групп внутри них (так назы-

⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XVI, ч. I, стр. 387.

⁸ «Правда» от 23 мая 1950 г.

заемых «ветвей»). В этом отношении очень типичны для рубежа XIX и XX столетий историко-лингвистические построения А. А. Шахматова. Твердо став на почву изучения истории русского языка в тесной связи с историей русского народа и самостоятельно разрабатывая для этой цели некоторые вопросы древнейшей русской истории, Шахматов уже с конца 90-х годов рисует солидно обоснованную для того времени картину образования восточнославянских племен и наречий, очень непохожую на схему «родословного древа». Но в то же время в своем изложении процесса распада всей индоевропейской семьи языков и даже процесса распада общеславянского языка-основы Шахматов до конца своей жизни остается на чисто шлейхеровских позициях.

Первым протестом против односторонности взглядов Шлейхера и Фикка была относящаяся к 80-м годам XIX в. так называемая «волновая теория» Иог. Шмидта. Эта теория очень извращенно понималась и использовалась некоторыми этнографами и археологами, близкими к «новому учению» о языке (С. П. Толстов, М. И. Артамонов). На самом деле Иог. Шмидт никогда не отрицал ни единого источника происхождения родственных языков, ни замкнутости языковых семей; он никогда не придавал никакого значения языковому (и даже диалектному) смешению в духе, например, Г. Шухардта. Расхождения Иог. Шмидта с господствовавшими взглядами, идущими от Шлейхера, касались только понимания процессов распространения языковых новообразований, приводящих к обособлению языковых групп внутри семьи. Не вводя еще понятия «изоглоссы», он по существу оперировал им, стремясь объяснить пеструю картину перекрещивающихся линий новообразований, объединяющих каждую «ветвь» индоевропейской семьи языков то с одной, то с другой ветвью. Р. Ф. Брандт удачно применил его принципы к классификации славянских языков.

«Волновая теория» нанесла серьезный удар по каноническим схемам «родословных древ». Но взятая в чистом виде, эта теория оказалась такой же неприемлемой, так как явилась столь же схематической противоположной крайностью. Иог. Шмидт совершенно не учел, что расселение носителей языка-основы не могло происходить как ничем не нарушаемый процесс территориальной экспансии во все стороны за пределы первоначальной «прародины» только в радиальных направлениях. По Шмидту, выходило, что все новообразования, определившие коренные отличия языковых групп внутри индоевропейской семьи, возникли на территории так называемой «прародины», а само размещение диалектных групп праязыка в эпоху его распада (которое и Иог. Шмидт понимал как единовременный акт) оказалось почти фотографическим снимком с современного территориального размещения отдельных языковых групп. Кроме того, Иог. Шмидт мало в чем отошел от взглядов своего времени на характер «праязыка». Он считал, что «праязык» до момента своего якобы одновременно начавшегося распада развивался как абсолютно единое целое, не имеющее внутри себя таких диалектов, которые могли бы не соответствовать будущим выделившимся группам («ветвям»). Наконец, Иог. Шмидт совсем не учитывал возможности передачи языкознания в той или иной диалектной форме иноязычному населению даже смежных с так называемой «прародиной» территорий и воздействий «субстрата»^{*} побеждаемых языков иной (неиндоевропейской) структуры.

«Волновая теория» Иог. Шмидта вошла в развитие сравнительно-исторического языкознания только с рядом существенных поправок, а в первоначальном своем виде она является теперь только фактом истории

* Субстрат — подслоя. (См. ниже сноску 26).

науки. Ряд лингвистов (Лескин, Шахматов, Розадовский и др.) внесли в нее изменения, связанные с учетом миграций не только за пределы территории первоначальной языковой общности, но и в разных направлениях внутри этой территории, что должно было нарушить первоначальные связи. Уже современник Шмидта, итальянский лингвист Асколи, выдвинул «теорию субстрата», ставившую задачу выяснения следов воздействия первоначальной системы речи населения, усваивающего чужой язык. Начиная с книги Мейе «Индоевропейские диалекты» (1908)¹⁰ разрабатывается вопрос о диалектном дроблении самого «языка-основы», хотя взгляды различных ученых на первоначальную группировку этих диалектов до сих пор часто еще противоречат друг другу (ср. концепции Педерсена, Пизани, Бонфанте и др.). Но все эти вопросы в зарубежном языкознании разрабатывались почти исключительно на материале индоевропейских языков. В разработке генетических вопросов, связанных с образованием и развитием других языковых семей, и сейчас на Западе господствуют традиционные схемы, отражающие взгляды XIX в. Только в советском языкознании мы встречаемся с первыми опытами анализа генетических связей внутри других языковых семей во всей их сложности и разнообразии. Здесь нужно упомянуть работы Д. В. Бубриха по финно-угро-самодийским, отчасти работы Г. М. Василевич по тугусо-маньчжурским языкам. Успешно развивавшиеся исследования Д. В. Бубриха были в последние годы жизни крайне запутаны его попытками компромисса с так называемым «новым учением» о языке («теория контакта»).

Сам Д. В. Бубрих (ум. в 1949 г.) не оставил печатного изложения своей теории, да и не мог этого сделать в условиях «аракчеевского режима в языкознании», когда деятели этого режима предъявляли ему обвинение в том, что он нарочно «изобрел» свою теорию для маскировки своих по существу «индоевропейских» взглядов. Это обвинение ни на чем не основано. На самом деле Д. В. Бубрих, крупнейший исследователь финно-угорских языков в сравнительно-историческом плане, в последние годы своей жизни, находясь под влиянием так называемого «нового учения» о языке, стал искренне убежденным противником положения о происхождении родственных языков из единого источника. В этом он глубоко заблуждался. Однако он продолжал считать необходимым сравнительно-историческое изучение родственных языков, ошибочно полагая, что их сходные черты в грамматическом строе и словаре развились в результате взаимодействия («контакта»). По существу он принимал целиком марровский принцип «скрещения языков», но, будучи добросовестным и знающим исследователем, не считал возможным применять его с той легкостью, с какой им пользовались последователи Марра. Иными словами, он изучал сходство структуры языков там, где оно действительно было (в родственных языках), но объяснял его антиисторически. «Теория» его поэтому является путаной и противоречивой. О ней можно судить по краткому изложению ее в применении к финно-угорским языкам в 1-м сборнике «Советское финноугроведение» (Л., стр. 24—32).

В своем выступлении на заседании Ученого совета Института языка и мышления 15 октября 1949 г. Д. В. Бубрих говорил: «...Можно посмотреть, что получается, если мы сравним истории языков. Праязыка не получается, а получается схождение и расхождение в зависимости от движения конкретных общественно-хозяйственных отношений... Но как финский и ханты могут сходиться и не сходиться, когда они разделены тысячами километров, разделены современными условиями существования».

¹⁰ A. Meillet, *Les dialectes indoeuropéens*, Paris, 1908 (2-е изд., Париж 1922)

Когда-то были условия для схождения языков—предшественников этих языков, откуда-то получились общности, а сейчас схождения нет, сейчас они между собою расходятся, но сходятся с новым партнером. Ханты «сходятся с русским языком». «Что такое контактное развитие? Совместное и раздельное развитие, диалектическая величина... Такая вещь есть, и никак от нее уйти нельзя, ибо простым смешением дело никак не может быть объяснено, да мы и не видим одного только смешения. Мы видим еще развитие во взаимодействии, контактное развитие»¹¹. Таким образом, Д. В. Бубрих понимал язык как надстроечное явление, смешивал язык с культурой и принимал такое «учение» о скрещении языков, при котором из взаимодействия нескольких языков якобы могут получиться языки нового качества. Но от прямых последователей учения Марра Д. В. Бубриха отличало постоянное стремление к добросовестному исследованию фактов.

Учитывая весь изложенный выше ход развития научных взглядов на проблему генетических связей между родственными языками в буржуазном языкознании, мы должны выделить ряд положений, которые могут быть взяты за основу дальнейшей разработки этой проблемы в советском языкознании в плане использования изучения языкового родства для понимания внутренних законов развития языков, в первую очередь языков Советского Союза, среди которых некоторые языковые семьи (финно-угро-самодийская, тюркская, монгольская, тунгусо-маньчжурская, иберийско-кавказская) представлены целиком или почти целиком. Опыт разработки этих проблем на материале индоевропейских языков может быть плодотворно использован тюркологами, финно-угроведами, кавказоведами и т. д., если только не переносить его механически, но постоянно помнить, что априорным схемам здесь не должно быть места и что всякое построение должно исходить из тесной связи истории соответствующих языков с историей народов, их творцов и носителей.

Так как изолированное и самостоятельное возникновение целых рядов материально сходных корней и формативов принципиально невозможно, то существование семьи (группы) родственных языков с необходимостью предполагает существование в прошлом единого общего языка, из которого сложными и разнообразными путями развились родственные языки. Каждый из родственных языков генетически восходит к одному и тому же источнику. Этим источником мог быть только действительный реальный язык — единый в той степени, в какой может быть единым бесписьменный язык, всегда распадающийся на диалекты и говоры. Этот единый общий язык мы и обозначаем термином «язык-основа». Как всякий реальный язык он обладал своим словарным составом, основным словарным фондом, грамматическим строем и фонетической системой и развивался по внутренним законам своего развития. В диалектах языка-основы должны были существовать лексические, грамматические и фонетические различия, но различия в диалектах, как «ответвлениях языка», не нарушали единства языка-основы, противостоящего этим диалектам общенародного языка.

Носители языков-основ могли быть отдельным племенем, союзом родственных племен, или стать в некоторых случаях уже сложившейся народностью. «История говорит,— учит И. В. Сталин,— что языки у этих племен и народностей были не классовые, а общенародные, общие для племен и народностей и понятные для них.

Конечно, были наряду с этим диалекты, местные говоры, но над ними

¹¹ Цитируется по стенограмме, выправленной самим автором, из архива Института языкознания АН СССР.

превалировал и их подчинял себе единый и общий язык племени или народности»¹². И. В. Сталин говорит здесь о племенах и народностях, входивших в состав империй рабского и средневекового периодов, но, поскольку и носители любого языка-основы могли быть только племенем или народностью, у нас нет никаких оснований допускать, что развитие языков-основ подчинялось каким-то иным закономерностям. «...Элементы современного языка были заложены еще в глубокой древности, до эпохи рабства»¹³.

В подавляющем большинстве случаев существование языков-основ, так же как и процесс образования из них семьи родственных языков, относится к глубокой древности или по крайней мере к такому времени, от которого не сохранились или в котором вообще отсутствовали памятники письменности. Поэтому только в исключительных случаях оказываются относительно известными по письменным источникам языки-основы групп родственных языков, составляющих части более крупных семей. Примером такого закрепленного на письме языка-основы может служить общевосточнославянский (древнерусский) язык. По письменным памятникам он известен по крайней мере с XI в. Примерно с XIII—XIV вв. группы диалектов этого общевосточнославянского языка, постепенно обособляясь, дают начало современным восточнославянским языкам — русскому, украинскому и белорусскому. Все это происходит, можно сказать, на глазах истории.

Частично засвидетельствован также язык-основа романской группы индоевропейской семьи языков, известный по надписям на так называемой «вульгарной латыни». Из этого «общероманского» языка, ставшего в результате римского завоевания языком западной половины Римской империи и некоторых других областей Западной Европы, где он ассимилировал местные языки, развились современные романские языки¹⁴.

Однако в огромном большинстве случаев язык-основа фактически оказывается совершенно неизвестным и может быть лишь гипотетически восстановлен посредством сравнительно-исторического метода. Вследствие

¹² И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, стр. 13.

¹³ Там же, стр. 26.

¹⁴ Наиболее полную характеристику «живой латыни» III—V вв. н. э., как языка-основы всех романских языков, см. у В. Ф. Шимарева — «О последних работах И. В. Сталина по языкознанию»: «Установление четких границ между понятиями языка и его разновидностей, равно как положение об огромной устойчивости языка и отсутствии в нем классовости позволяют уточнить некоторые важные понятия, которыми оперируют у нас лингвисты. Таково, например, понятие так называемой «вульгарной», или, как ее принято называть у нас, «народной», латыни, лежащей в основании романских языков. Это не язык низших слоев населения. Это живая латынь, в той форме, какую она приняла, грубо говоря, между III и VII вв., т. е. приняла ее основной словарный состав и грамматический строй, когда старая «классическая» латынь доживала свои последние дни на страницах литературных произведений. Ликвидация традиции происходила, разумеется, неравномерно. Живая латынь этого времени различно разрешала поставленные на очередь временем словарные и грамматические задачи; иными словами: латынь этого периода имела свои лексические и грамматические разновидности и не всегда и не везде одинаково относилась к традициям. Но общая направленность основных изменений была одинаковой как в области основной лексики, так и в области стиля. Так следует понимать «единство» вульгарной латыни, которое подвергали сомнению сторонники «полидиалектной теории» и на котором настаивали их противники, опираясь на единообразие ранней романской базы, вскрываемой сравнительно-историческим изучением романских языков» («Изв. АН СССР, Отд. лит-ры и языка», 1950, № 1, стр. 65). Факт, что в основе образования романских языков лежал процесс дифференциации общероманского языка-основы, а не скрещение латинского языка с другими языками («полидиалектная теория», упоминаемая В. Ф. Шимаревым), убедительно показан в статье Т. С. Шарадзендзе «Процессы дифференциации и интеграции языков в свете учения И. В. Сталина» (Вопросы языкознания, 1952, № 1)..

«серьезных недостатков» сравнительно-исторического метода, на наличие которых указал И. В. Сталин, восстановление при помощи этого метода языка-основы далеко не всегда и не в одинаковой степени оказывается возможным. Восстановление языка-основы или отдельных его элементов в ряде случаев оказывается в той или иной степени условным, причем практические возможности такого восстановления весьма различны для отдельных семей (групп) языков.

Грубо говоря, чем более в глубь истории отодвинуто время существования языка-основы, чем больший промежуток времени отделяет его от появления письменности на восходящих к нему языках, чем менее имеется соответствующих родственных языков, привлекаемых к сравнению, и чем более они отошли от своего древнего состояния, — тем гипотетичнее построения, восстанавливающие язык-основу и, следовательно, условнее результаты реконструкции. В этом отношении существенно различаются практические возможности восстановления языка-основы, например, общиндоевропейского и общеславянского. Если восстановление первого характеризуется значительной проблематичностью, то восстановление второго оказывается гораздо достовернее и доказательнее. Это и понятно. Многочисленные славянские языки, сохраняющие много общего в своей системе, поскольку они относительно недавно выделились из общего языка-основы, представляют богатейшие возможности для применения сравнительно-исторического метода. Кроме того, исключительно благоприятным обстоятельством для восстановления общеславянского языка является то, что письменность у славян возникает очень рано, спустя незначительный промежуток времени после того, как начали свою историческую жизнь отдельные славянские языки. Письменный старославянский язык, созданный в IX в. и засвидетельствованный памятниками X и XI в., по отраженному в нем основному словарному фонду, грамматическому строю и звуковой системе представляет собой не что иное, как литературную обработку одного из славянских диалектов времени, еще очень близкого к началу распада общеславянского языка-основы.

Таким образом, большая или меньшая достоверность восстановления той или иной черты языка-основы определяется недостатками сравнительно-исторического метода и характером имеющегося в нашем распоряжении языкового материала. Поэтому условность восстановления языков-основ ничего не говорит об их исторической нереальности.

Отрицание Н. Я. Марром и всеми его последователями родства языков и реальности языка-основы, из которого развились семьи и группы родственных языков, опирается на бездоказательное утверждение, что признание языкового родства наций будто бы с необходимостью ведет к признанию их этнического единства и даже единства их расы. В начале своей научной деятельности Н. Я. Марр сам действительно отождествлял язык и расу. Позднее, осознав ошибочность такого отождествления, он приписал свое заблуждение вообще сравнительно-историческому языкознанию, хотя это последнее еще в середине прошлого столетия отчетливо сформулировало положение об отсутствии необходимой связи между языком и расой. Это положение стало общепринятым даже для буржуазных языковедов, и лишь отдельные мракобесы от науки позволяли себе в совершенно ненаучных целях утверждать обратное.

Приписывая всему сравнительно-историческому языкознанию такое понимание родства языков и языка-основы, которое в целом было ему совершенно чуждо, Н. Я. Марр вместе с другими представителями «нового учения» о языке, презрительно квалифицируя это понимание родства как «теорию праязыка», обвиняет сравнительное языкознание в расизме и

высокомерно третирует всякую попытку изучения групп (семей) языков как проявление теории «праязыка», хотя вымышленная им и приписанная сравнительно-историческому языкознанию теория «праязыка» не имеет к этому делу никакого отношения.

Язык-основа, как уже говорилось, есть реальный язык, обладающий своим основным словарным фондом и словарным составом, своим грамматическим строем и своей фонетической системой. Развитие его определялось действием тех же причин и факторов, что и всякого языка. Он развивался по «внутренним законам своего развития» и вместе с тем его развитие определялось историей того народа, которому принадлежал данный язык-основа. Как уже говорилось, язык-основа был общеплеменным, общим для племени или народности, и существовавшие в нем диалекты и говоры подчинялись в своем развитии единому и общему языку племени или народности.

Образование диалектов, местных говоров определяется историческими процессами и событиями, переживаемыми их носителями. В общем образование диалектов и объединение, слияние их являются следствием вызванных разными причинами процессов разобщения или, наоборот, объединения населения определенных территорий. Иначе говоря, единство языка и его диалектная раздробленность есть функция единства и разобщенности населения на территории, занятой тем или иным языком. Понятно, что эти процессы объединения и разобщения населения протекали неодинаково в различные этапы развития общества, так как они всегда зависели от конкретных условий, в которых совершалось это развитие.

Существование языка-основы подавляющего большинства современных семей и групп родственных языков относится к ранним (доклассовым) этапам развития общества. Поэтому развитие языка-основы определялось теми общественными процессами, которые были свойственны именно этим этапам общественного развития.

Как известно, первобытно-общинный строй характеризуется процессом раздробления племен и племенных языков и диалектов на новые племена и новые языки или диалекты; происходит, как указывает Энгельс, «новообразование племен и диалектов путем разделения». Образовавшиеся таким путем племена Энгельс называет родственными (или кровнородственными) племенами, так же как и их диалекты — родственными диалектами одного языка. *«Постоянная тенденция к разделению, — писал К. Маркс, — коренилась в элементах родовой организации; она усиливалась тенденцией к образованию различия в языке, неизбежной при их {т. е. диких и варварских племен} общественном состоянии и обширности занимаемой ими территории. Хотя устная речь замечательно устойчива по своему лексическому составу и еще устойчивее по своим грамматическим формам, но она не может оставаться неизменной. Локальное разобщение — в пространстве — вело с течением времени к появлению различий в языке»¹⁵.*

Таким образом, раздробление племен по мере их роста и территориального расселения приводило к образованию в языке-основе племенных диалектов, которые, однако, не являлись самостоятельными языками, поскольку они не теряли способности переживать общие языковые процессы с другими диалектами общего для группы родственных племен языка. При малочисленности населения и слабо развитых средствах передвиже-

¹⁵ Архив К. Маркса и Ф. Энгельса, т. IX (1941), стр. 79.

ния общение населения на больших территориях было сильно затруднено. Это приводило к тому, что единство языка-основы могло сохраняться только тогда, когда он занимал относительно ограниченную и компактную территорию. Только в этом случае все его местные говоры могли переживать общие языковые процессы, свидетельствующие о сохранении единства языка. С дальнейшим расселением на более обширные пространства или при включивании иноязычного населения утрачивалась возможность переживать общие процессы, и диалекты или группы диалектов становились отдельными языками. Это определялось только конкретными историческими условиями жизни племен и народностей, говоривших на этих диалектах.

Такое обособление диалектов или групп диалектов языка-основы могло быть только следствием обособления, изоляции отдельных частей, групп населения, говорившего на языке-основе. Однако обособление групп населения могло и не совпадать полностью с границами диалектов языка-основы. Так, заселение частью славянских племен Балканского полуострова в VI—VII вв. привело к обособлению части славянского от других славянских групп и к появлению более четких языковых границ между южнославянскими и другими славянскими языками; появление в начале X в. в Дунайской долине венгров, включившихся между западными и южными славянами, способствовало углублению этого процесса. Однако это не значит, что часть славянского, вторгшаяся на Балканский полуостров, была уже до этого носителем особого диалекта общеславянского языка-основы. В составе вторгшихся славянских племен могли быть носители нескольких диалектов, а другие части носителей этих же диалектов могли не участвовать во вторжении. На это указывают и некоторые черты, сближающие чешско-словацкую группу с южнославянскими языками. Завоевание Британии в V в. н. э. германскими племенами англов, саксов и ютов привело к тому, что диалекты этих западногерманских племен, оторвавшись от оставшихся на континенте западногерманских языков и диалектов, слились в один язык, который развивался в дальнейшем самостоятельно. Такими же или сходными путями шел процесс распада языка-основы и в более ранние эпохи. Таким, например, должно было быть отделение группы говоров, образовавших общий индо-иранский язык от индоевропейского языка-основы и последующее разделение его на древнеиранский и древнеиндийский в результате расселения носителей этого языка на больших территориях. Авеста и древнейшая часть Вед дают нам факты, свидетельствующие об очень большой близости двух обособившихся частей общего индо-иранского языка-основы.

Необходимо, однако, учитывать наряду с дифференциацией, являющейся преобладающим типом пути развития языков и диалектов, также и процессы интеграции, протекавшие, конечно, отнюдь не в форме марковского «скрещения» разнородных и происшедших из разных источников языков, а в форме сближений и даже слияний еще очень близких по своей структуре родственных диалектов. Эти интеграционные процессы постоянно чередовались с процессами дифференциации. За последними всегда оставалась решающая роль в возникновении новообразований, но первые имели большое значение для распространения этих новообразований.

Обособление групп диалектов языка-основы сопровождалось усилением связей внутри этих групп, развитием общих языковых процессов на обособившейся территории, складыванием языковых особенностей, отличающих всю обособившуюся группу диалектов от других восходящих к этому же языку-основе диалектов, стиранием старых диалектных отличий внутри этой группы.

Возникновение и распадение союзов родственных племен, часто очень непрочных и недолговечных, было очень важным фактором в этих языковых процессах, но союзы племен не могли создавать родства языков. Нет оснований и говорить о «языке союза племен» как типе языковых образований. Это отмечает и И. В. Сталин, когда говорит о развитии «...от языков родовых к языкам племенным, от языков племенных к языкам народностей и от языков народностей к языкам национальным»¹⁶.

Общность или близость языка нескольких племен есть результат их общего происхождения из общего источника. «Новообразование племен и диалектов путем разделения, — говорит Энгельс, — происходило в Америке еще недавно и едва ли совсем прекратилось в настоящее время»¹⁷. Языковое родство не могло возникнуть на основе союза разнородных, говорящих не на родственных диалектах, племен. Могли быть лишь случаи, когда «в отдельных местностях первоначально родственные, но разобщенные племена вновь сплачивались в длительные союзы»¹⁸. Более того, Энгельс подчеркивает, что в прочные союзы могли сплачиваться лишь родственные племена, племена с родственными диалектами. Так, говоря об ирокезах, Энгельс указывает, что «кровное родство» образовавших вечный союз племен составляло действительную основу этого союза, а «общий язык, различавшийся только диалектами, был выражением и доказательством общего происхождения»¹⁹. Переходя далее к греческому роду, Энгельс снова подчеркивает, что и здесь «в одно большое целое соединились лишь племена с одинаковым основным наречием»²⁰. Языковая близость племен, входящих в союз, является, таким образом, одной из важных предпосылок образования самого этого союза, а отнюдь не его результатом.

На определенном этапе развития первобытно-общинного строя, указывает Энгельс, «союз родственных племен становится повсюду необходимостью, а вскоре становится необходимым даже и слияние их и тем самым слияние отдельных племенных территорий в одну общую территорию всего народа»²¹.

Таким образом, союз родственных племен, оказавшийся в силу тех или иных исторических условий прочным и долговечным, неизбежно уже через одно-два столетия превращается в народность. Близко родственные племенные языки перемалываются тогда в едином языке народности, в пределах которого образуются свои территориальные диалекты, совсем не обязательно соответствующие прежним племенным языкам или диалектам.

На основе расселившихся на обширных территориях родственных племен в процессе их дальнейшего распада или сближения могли создаваться несколько обособленных племенных групп, преобразующихся, при наличии благоприятных условий, в народности. Языки этих групп племен или народностей были родственными лишь потому, что они восходили к общему языку-основе.

Мы знаем достоверные исторические примеры как относительно быстрое

¹⁶ И. Сталин, *Марксизм и вопросы языкознания*, стр. 12.

¹⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс, *Соч.* т. XVI, ч. I, стр. 71.

¹⁸ Там же, стр. 73—74. Здесь Энгельс указывает, какой характер имела языковая интеграция в доклассовом обществе, — это был процесс сближения и даже слияния разобщенных, но исконно родственных диалектов одного языка.

¹⁹ Там же, стр. 74.

²⁰ Там же, стр. 83.

²¹ Там же, стр. 139.

го превращения союзов племен в народности, так и процессов иного характера. Так, относительно быстро из ранних племенных союзов восточного и южного славянства сложились обособившиеся народности — древнерусская, болгарская и несколько позже сербо-хорватская. Дольше, повидимому, продолжался процесс обособления словено-хорутанской народности. Племена, создавшие ее, повидимому, вплоть до вторжения венгров в Дунайскую равнину, не теряли связи с моравскими племенами (см., например, государство Само, объединившее чехо-моравские и словенские племена), а это привело к существованию изоглосс, объединяющих южных славян с чехословацкой языковой группой (см. выше, стр. 49). С другой стороны, на территории древней Греции, в условиях полисного строя, почти полтысячелетия (VIII—III вв.) не могло выработаться языка народности и существовали медленно сближавшиеся территориальные диалекты, хотя в целом все языковое развитие древней Греции было направлено в сторону все большей и большей унификации ранее разошедшихся диалектов. Этот факт позволяет нам говорить, что уже на заре истории древнегреческие диалекты были диалектами *о д н о г о* языка, хотя говорить об окончательном формировании уже к этому времени единой древнегреческой народности еще нет оснований. Медленно сближавшиеся территориальные диалекты исчезли только в общегреческой «койнэ» эллинистическо-римского периода, возникшей на базе аттического и отчасти ионического наречий. При этом ни один из диалектов среднегреческого и новогреческого языков (кроме изолированных говоров горных частей Лаконии — даксских) не может быть возведен к древнегреческим диалектам, а все они являются результатом новой дифференциации эллинистическо-римской «койнэ». Ни к какой языковой интеграции не приводили очень кратковременные союзы германских племен первых веков н. э. (свевский, маркоманнский), объединявшие в своем составе представителей разных диалектных групп западногерманских языков. Последующее развитие германских языков, оставшихся на территории Германии после великого переселения народов, продолжает развитие племенных диалектных групп более ранних эпох, а те слияния, которые имели место позже, происходили уже в рамках раннефеодальных государственных образований.

Различные исторические условия приводили к новым обособлениям уже внутри обособившейся группы, причем обособление, как это было и в более ранней общности, могло совпадать, но могло и не совпадать с границами старых диалектов этого языка. В обособившемся языке могли произойти с м е щ е н и я д и а л е к т н ы х г р а н и ц, и в результате могли образоваться новые группы диалектов, которые в свою очередь могли развиваться в самостоятельные языки. Таким образом, новый язык, образовавшийся в результате обособления группы диалектов языка-основы, мог в свою очередь стать языком-основой для языков, образующихся в результате дальнейшего обособления его диалектов. Так, обособившийся в силу определенных исторических условий от общеславянского языка-основы восточнославянский язык стал позже языком-основой для русского (великорусского), украинского и белорусского языков, образовавшихся в XIV—XV вв. в процессе обособления диалектных групп этого языка, что было результатом распада древнерусской народности и обособления отдельных групп восточного славянства в различных государственных объединениях. Здесь следует исходить из положения И. В. Сталина о том, что бывают случаи, «...когда единый язык народности, не ставший еще нацией в силу отсутствия необходимых экономических условий развития, терпит крах вследствие государственного распада этой народности, а местные диалекты, не успевшие еще перемолотиться в едином язы-

ке, — оживают и дают начало образованию отдельных самостоятельных языков»²².

Не следует полагать, что каждая из близкородственных групп языков непременно восходит в прошлом к какому-либо единому прадиалекту, какого-либо праплемени, распадение которого дало начало этим языкам. Нет оснований, например, полагать, что общеславянский язык распался на три диалекта, каждый из которых, став самостоятельным языком, распался на новые диалекты-языки и т. д. Восточнославянский язык при самом своем выделении из общеславянского имел диалекты, точно так же как и русский язык, унаследовал от общевосточнославянского диалектную раздробленность. Однако за период существования каждого языка его диалектная группировка могла неоднократно меняться, в результате чего границы диалектов языка-основы в период его выделения из предшествующей общности и в период его распада на новые языки чаще всего не совпадают. Так, границы племенных диалектов общевосточнославянского языка не совпадают в большинстве случаев с границами областных диалектов периода складывания отдельных восточнославянских языков. Смещение диалектных границ означало не только наложение старых границ на новые, но также и стирание старых границ, не только появление новых диалектных отличий, но также и частичную нивелировку, стирание старых диалектов. При этом происходили взаимодействия между диалектами, вследствие чего некоторые особенности господствующих диалектов в обособившейся группе, в результате усиления связи внутри этой группы, могли распространиться на соседние диалекты. Поэтому неверно, например, современные русский, белорусский, украинский языки относить непосредственно к племенным диалектам древней Руси IX—XI вв. Мы не можем указать такие отличия этих языков, которые с несомненностью отражали бы отличия племенных диалектов, но в то же время мы отчетливо видим в них следы процессов языковой дифференциации и интеграции XIII—XV вв. В то же время возможно, что не все особенности, например, украинского языка, отличающие его в целом от русского, развились одновременно во всех диалектах этого языка, некоторые диалекты могли получить их под влиянием соседних диалектов уже после завершения процесса складывания украинского языка в определенных границах.

Процесс образования нового языка был, следовательно, процессом длительным и сложным, отнюдь не прямолинейным. Игнорирование фактов с м е щ е н и я диалектных границ, существовавших внутри языка-основы, в процессе его распада на новые диалектные группы, игнорирование фактов сближения и слияния разошедшихся диалектов или их частей, факт распространения особенностей господствующего диалекта на всю вновь образовавшуюся диалектную группу — все это и было огромным недостатком прежних концепций с их схематическими построениями всякого рода «родословных древ» языков. В противоположность этим антиисторическим взглядам следует помнить, что каждый реконструируемый язык-основа должен рассматриваться как весьма сложное образование, заставляющее предполагать внутри его, в рамках всего периода его существования, непрерывное развитие и изменение диалектных отличий. Одни из этих отличий углублялись (на границах обособляющихся групп), другие, напротив, стирались (внутри этих групп). Первые приводили в определенных исторических условиях к образованию новых языков, т. е. к исчезновению для определенной диалектной группы возмож-

²² И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, стр. 44.

ности переживать общие с другими диалектами новообразования. Вторые сохранялись лишь как пережитки старых диалектов.

Родственные языки, обособившиеся от языка-основы, в своих отличиях друг от друга, с одной стороны, сохраняют известную часть старого наследия, восходящую к диалектным отличиям, которые существовали еще внутри языка-основы. С другой стороны, отличия родственных языков друг от друга восходят (обычно в большей своей части) к новообразованиям, отражающим уже самостоятельную историю этих языков, которая во многих случаях имела тоже долгий «доисторический» т. е. не засвидетельствованный письменными памятниками период, также подлежащий реконструкции при помощи сравнительно-исторического метода. Так, например, окончательное отделение балтийских языков от славянских мы должны отнести ко времени не позже последних веков до н. э., а первые письменные памятники этих языков относятся к XVI в. За этот долгий период балтийские языки, при всей архаичности отдельных фактов литовского и древнепрусского языков, несомненно утратили какую-то часть старого наследия, сохранившуюся ими в первое время после обособления, а также развили много специфических новообразований.

Почти для каждого из современных индоевропейских языков, генетические связи которых изучены лучше, чем в других языковых семьях, можно указать на разную степень родственной близости с другими языками той же семьи. Следовательно, каждый такой язык входит не в одну, а в несколько родственных групп различной степени близости, и в нем естественно отложились все предшествующие общности. Так, русский язык, отличаясь от ближайших родственных языков — украинского и белорусского — рядом отличий в лексике, грамматике, фонетике, вместе с тем объединяется с ними огромным количеством звуковых особенностей, форм, корневых и словообразовательных морфем и целых слов, в том числе и таких, которые отличают все три восточнославянских языка от других славянских языков. В то же время все славянские языки объединяются целым рядом общих черт, отграничивающих их от других индоевропейских языков, причем чем далее в глубь истории, тем этих черт обнаруживается все более и более. Но вместе с тем славянские языки роднятся со всеми индоевропейскими языками целым рядом общих корней, образующих древнейший слой корневой части основного словарного фонда славянских языков, а также целым рядом формативов, которые могут быть и не тождественными с другими индоевропейскими языками по своему звуковому облику, но легко сводятся к общим архетипам. Можно указать на такие группы индоевропейских языков, с которыми славянские языки имеют больше общих черт, чем с другими индоевропейскими же языками. Это заставляет предполагать, что славянские языки ранее входили в такую общность, как славяно-балтийская, а ранее может быть и в еще более обширную общность. Можно гипотетически допускать такую общность, которая характеризуется изменениями общиндоевропейских заднеязычных определенного типа в свистящие и шипящие спиранты и аффрикаты. Эта общность объединяет балтийские и славянские языки с индо-иранскими, албавским и армянским языками, хотя это явление (спирантизация заднеязычных) допускает и иное историческое объяснение. Каждая такая общность является, разумеется, не совокупностью диалектов, точно соответствующей будущим языкам, а распространенным на сравнительно ограниченной территории общим языком, обособление диалектных групп которого, в результате сложного взаимодействия отдельных диалектов и говорив, положило начало образованию новых языков. Это значит, что все современные индоевропейские языки восходят через сложный ряд ступеней к древнейшему из условно реконструируемых посредством срав-

нительно-исторического метода языков — индоевропейскому языку-основе, от которого они унаследовали ряд своих особенностей, вскрываемых лингвистом через толщу новообразований, заимствований, следов «субстрата» и т. д. Это вполне согласуется с положением И. В. Сталина о том, что «элементы современного языка были заложены еще в глубокой древности, до эпохи рабства»²³. Наличие промежуточных языков-основ указывает лишь на то, что эти языки не непосредственно отделились от индоевропейского языка-основы и что они находятся в различной степени родства с другими индоевропейскими языками.

Однако нельзя не учитывать тех огромных трудностей, которые неизбежно возникают при определении степени родства между родственными языками и группами. Эти трудности определяются как сложностью и длительностью самих языковых процессов, связанных с образованием семьи языков, так и существенными недостатками сравнительно-исторического метода. Важно иметь в виду, что распадение языка-основы не могло происходить в виде «единичного акта решающего удара», и образование разных групп внутри языковой семьи, как правило, происходило разновременно, в течение многих и многих столетий и даже тысячелетий. Так, например, выделение хеттского (неситского) языка из индоевропейской языковой общности нужно относить ко времени не позже середины 3-го тысячелетия до нашей эры, так как в начале 2-го тысячелетия до н. э. памятники этого языка свидетельствуют уже о долгом периоде взаимодействия с неиндоевропейскими языковыми элементами, которое происходило на территории Малой Азии. При этом, если бы даже мы стали на точку зрения тех ученых, которые оспаривают принадлежность клинописного хеттского (неситского) языка к индоевропейской семье, то положение не изменится, так как бесспорно существующие в нем значительные индоевропейские элементы показывают, что какие-то индоевропейские диалекты должны были выделиться из первоначальной языковой общности не позже середины 3-го тысячелетия до н. э. и в результате миграции их носителей появиться в Малой Азии, которая никак не могла быть территорией первоначальной индоевропейской языковой общности. С другой стороны, формирование таких групп, как балтийская, славянская и германская, никак не может быть отодвинуто вглубь дальше рубежа между 2-м и 1-м тысячелетием до н. э. Таким образом, получается промежуток минимум в полторы тысячи лет (2500—1000 гг.) или, может быть, значительно больший: точка зрения, согласно которой славянство обособилось много позже (вплоть до последних веков до н. э.), также может быть серьезно аргументирована. В промежуток между этими двумя крайними периодами должно быть отнесено обособление индо-иранской, греческой, италийской, кельтской и других ветвей индоевропейской языковой семьи.

Можно осматривать любые абсолютные датировки отдельных этапов распада индоевропейской языковой общности. Эти датировки могут стать более точными только тогда, когда методы согласования языковых данных с данными истории материальной культуры будут усовершенствованы, чего пока нет и не могло быть при господстве марровских установок среди археологов. Поэтому пока все абсолютные датировки остаются гадательными, и более прочной является только относительная хронология этапов распада. Однако и здесь, даже в области индоевропейских языков, есть совершенно неясные вопросы (например, время обособления тохарской группы), а для финно-угро-самодийской семьи и относительная хронология еще не намечена.

²³ И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, стр. 26.

Как было уже указано, взаимоотношения между родственными языками внутри языковой семьи могут оказаться чрезвычайно сложными, так как они отражают своеобразие исторического пути, проделанного носителями этих языков после их выделения из первоначальной общности. Так, одновременно выделившиеся группы диалектов языка-основы, не успевшие очень далеко разойтись по своему грамматическому строю и корневой части основного словарного фонда, могли вновь сблизиться и пережить период совместной жизни, а затем опять распасться, причем вновь распавшиеся части могли или соответствовать, или не соответствовать сблизившимся частям. Некоторые исследователи (И. М. Эндзелин и др.) именно так определяют характер славяно-балтийских отношений и образование славяно-балтийской общности²⁴.

В области славяно-пранских лексикальных и отчасти грамматических сходжений тоже можно отделить с известной вероятностью схождения, относящиеся к древнейшей эпохе соприкосновения протославянских диалектов с периферией индоиранского языкового мира, только начинавшего обособляться, от сходжений, которые могут быть отнесены ко времени значительно более поздней, второй, встречи славян, уже отделившихся от балтийцев, с частью пранцев (скифами и сарматами). Еще более сложным представляется вопрос об отношениях между италийскими и кельтскими языками и об отношении обеих этих групп к почти не дошедшим до нас так называемым «иллирийским» языкам.

Можно было бы указать и на другие возможные соотношения между родственными языками, но это не укладывается в рамки настоящей статьи.

Главным препятствием на пути к определению степени близости родства между отдельными языками и группами родственных языков служит недостаточность фактических данных: отсутствие памятников раннего времени для некоторых языков и целых групп, ничтожные языковые остатки от некоторых языков и целых групп и, наконец, полное исчезновение целых языковых групп, о которых мы знаем иногда только по этнонимическим названиям, а иногда и совершенно ничего не знаем, хотя имеем серьезные основания предполагать их существование. В лингвистической литературе не раз указывалось, что если бы древние греки или римляне сохранили нам, например, такие данные о языках фракийских, фригийских и кельтских, которыми должны были располагать их переводчики в соответствующих географических областях, то сравнительная грамматика индоевропейских языков имела бы такую степень точности, какую она никогда не будет иметь. В самом деле, от кельтских языков, распространенных на огромном пространстве от Атлантического океана до северного Причерноморья и Малой Азии, до нас дошли только немногочисленные древние памятники тех кельтов, которые переселились относительно поздно в Британию и Ирландию. Может быть, еще существеннее утрата точных данных о фонетическом и грамматическом строе и словаре фракийских языков, которые не только занимали огромную территорию, но и несомненно были промежуточным звеном между целым рядом родственных языковых групп, сейчас являющихся для нас далеко оторванными друг от друга. О самом существовании так называемых «иллирийских» языков как особой группы мы можем говорить только гипотетически на основании следов условно «иллирийского» наложения в других языках, представляющего аналогию с теми фактами, которые дают нам скудные остатки венеетского и мессанинского языков. Самый этот термин мы обычно не употребляем без

²⁴ Ср. И. М. Эндзелин, *Славяно-балтийские этюды*, Харьков, 1911, стр. 201. Высказанный автором в этой ранней работе точка зрения до сих пор сохраняет интерес.

кавычек. Между тем во всех почти этногенетических работах недавнего времени авторы их чрезвычайно свободно оперировали всеми такими группами, вернее, одними их названиями, произвольно устанавливая их связи как с исторически засвидетельствованными языками, так и между самими этими утраченными для нас языковыми единицами. Мы встречаем в этих работах термины: «скифо-славянский», «славяно-фракийский», «иллиро-фракийский», «кимеро-фракийский», «фракийско-тохарский» и т. п. Все это граничит с самой настоящей фантастикой и является одним из следствий увлечения марровскими «яфетическими сказками». Конечно, нельзя упрекать всех авторов этногенетических работ в том, что они употребляли все эти этнические термины в том же, не имеющем никакого отношения к науке смысле, как это делали Н. Я. Марр и Н. С. Державин, у которых все эти этнонимы были связаны с пресловутыми «четырьмя элементами». Но от Марра к его последователям в области этногенеза передавалась известная легкость в обращении с этническими терминами, которые смешивались с историко-лингвистическими классификационными терминами. Значение древних этнических терминов даже в тех случаях, когда к ним подходили более реально, очень переоценивалось. Так, например, работы А. Д. Удальцова, которого нельзя упрекнуть в безоговорочном принятии всех марровских построений и который сам неоднократно выступал против «шалеонтологических» упражнений с древними этнонимами, — все же имеют одним из главных своих недостатков переоценку самого значения этнонимов не только для вопросов этногенеза, но и для проблемы образования групп родственных языков.

Однако и в тех случаях, когда та или иная группа, насчитывающая ряд входящих в нее языков, представлена с определенного времени огромным количеством памятников (например, языки германские, славянские, балтийские), мы все же находимся в большом затруднении при определении исторических соотношений развития этих языковых групп с теми группами, древнейшие памятники письменности которых возникли на одно-два тысячелетия раньше. Установление относительной хронологии языковых явлений в развитии целой языковой семьи крайне затрудняется тем, что факты древнеиндийского языка 2-го тысячелетия до н. э. или греческого языка середины 1-го тысячелетия до н. э. нам приходится сопоставлять с данными германских языков середины 1-го тысячелетия н. э., славянскими памятниками X—XI вв. или литовскими XVI—XVII вв. О том, что представляли собой индоевропейские языки, например Средней Европы, хотя бы к началу нашей эры, мы не имеем никакого представления.

Сравнительно-исторический метод позволил установить генетическую общность ряда очень обширных языковых групп (семей) с большей или меньшей сложностью родственных отношений внутри них. Такими давно уже твердо установленными общностями являются семьи индоевропейская, семитская, финно-угорская, тюркская, дравидская, малайско-полинезийская, банту. В недавнее время тот же метод позволил поставить вопрос о некоторых новых семьях. Так можно указать на результаты работы советских кавказоведов тбилисской школы, возглавляемой проф. А. С. Чикобава, устанавливающих генетическое единство восточнокавказских языков.

В других случаях генетический характер традиционно объединяемых в группы языков остается еще очень неясным, а в некоторых случаях можно уже говорить без всяких колебаний, что традиционное объединение некоторых языков в одну группу в науке не основано на единстве их происхождения. Такова, например, группа палеоазиатских языков. На наших глазах рухнула гипотеза о единой «урало-алтайской» языковой

семье, состоящей из пяти групп, но некоторые исследователи выдвигают положение о двух семьях вместо пяти групп — «уральской» (финно-угро-самодийской) и «алтайской» (тюрко-монголо-тунгусо-маньчжурской). Некоторые современные хамитологи ставят вопрос о том, что происхождение так называемых хамитических языков нельзя свести к общему источнику и что следует говорить о трех самостоятельных группах — берберской, нилотской и кушитской, которые вместе с семитскими языками составляют единую семито-хамитскую языковую семью.

Обособление части коллектива, говорившего на языке-основе, обычно сопровождается смешением с иноязычными человеческими коллективами — аборигенами вновь заселенных территорий или пришельцами, в результате чего усложняется этнический состав народов, их антропологический тип. Это, однако, не вносит никаких принципиальных изменений в процесс образования языковых семей. И. В. Сталин развил положение о том, что «совершенно неправильно было бы думать, что в результате скрещивания, скажем, двух языков получается новый, третий язык, не похожий ни на один из скрещенных языков и качественно отличающийся от каждого из них. На самом деле при скрещивании один из языков обычно выходит победителем, сохраняет свой грамматический строй, сохраняет свой основной словарный фонд и продолжает развиваться по внутренним законам своего развития, а другой язык теряет постепенно свое качество и постепенно отмирает»²⁵. Важно подчеркнуть, что скрещивание двух языков не означает прекращения истории обоих этих языков, не означает разрыва связей с предшествующим скрещиванию состоянием. Приводя к постепенному отмиранию (на определенной территории) одного из скрещивавшихся языков, к его забвению его носителями, скрещивание не приводит к потере самобытности победившего языка, ставшего средством общения и для потомков носителей побежденного языка.

Следовательно, если обособившееся население усваивает язык народа, с которым оно смешивается, и его язык таким образом оказывается побежденным, мы не вправе более говорить об этом языке как члене языковой семьи, восходящей к языку, из которого он выделился. Если же интересующий нас язык оказывается победителем и продолжает развиваться по внутренним законам своего развития, он остается таким же членом языковой семьи, связанным генетической связью со своим языком-основой, как если бы его обособление не сопровождалось скрещением с другими языками; он лишь расширяет сферу своего употребления, распространяясь на новые народы и племена, которые, таким образом, не исчезая физически, усваивают чужой язык. Так, например, древнее население Балканского полуострова (фракийцы, иллирийцы), являясь одним из этнических элементов современных болгар и сербов, усвоило язык славян, появившихся на Балканах лишь в VI—VII вв. Включение в состав балканских славян пришедших сюда позднее тюркских племен, осложнив этнический состав современных болгар, также не прервало генетических связей болгарского языка с его общеславянским языком-основой. Точно так же и среди предков русского народа можно найти множество разнородных этнических образований, отличавшихся друг от друга антропологическим типом, уровнем культуры и издавна сложившимся языком, но лишь язык одного из этих коллективов, входивший в состав славянской языковой семьи, может считаться предком русского языка.

Однако, поскольку язык-победитель может иногда все же воспринимать некоторые особенности побежденного языка, то в результате скреще-

²⁵ И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, стр. 29—30.

ния с иноязычным населением обособившийся от языка-основы новый язык получает некоторые такие отличия от родственных языков, которые, возможно и не развились бы в нем без влияния иноязычного субстрата (или суперстрата)²⁶.

Таким образом, разные языки, выделившиеся из одной и той же языковой общности, могли вступать во взаимодействие с разными языками других семей и в тех случаях, когда они не были поглощены этими языками, могли сохранить следы разных субстратов, причем субстратом мог быть и родственный язык, еще ранее далеко разошедшийся с тем языком, который затем победил его при скрещивании.

Для наиболее древних этапов распада индоевропейской языковой семьи примером воздействия иноязычного субстрата может служить клинописный хеттский (неситский) язык. Изучение этого языка, который к дате своих письменных памятников старше всех других индоевропейских языков, дало для начала 2-го тысячелетия до н. э. картину, весьма не похожую на ту систему языка, которая реконструировалась как «праязыковая» до открытия и расшифровки хеттских памятников. Последователи Марра любили приводить этот бесспорный сам по себе факт для опорачивания реконструкции «индоевропейского праязыка». Между тем нет никаких оснований все факты хеттского (неситского) языка, расходящиеся с прежними реконструкциями индоевропейского языка-основы, считать фактами более архаичными на том лишь основании, что памятники этого языка древнее всех остальных. Такая ошибка делалась всеми лингвистами до 70-х годов XIX в. по отношению к древнеиндийскому языку, памятники которого были тогда самыми древними. Сторонники «нового учения» о языке повторили ошибки Боппа, Бевфея и других лингвистов XIX в. кончая Шлейхером и Г. Курциусом. На самом же деле лишь небольшая часть фактов хеттского (неситского) языка (например, сохранение ларингальных звуков, исчезновение которых изменяло качество соседних гласных) может быть использована для совершенно необходимых поправок в прежних реконструкциях, в частности в учении о строении древнейших индоевропейских корней. Другая часть фактов хеттского (неситского) языка бесспорно является новообразованиями, и ряд других индоевропейских языков (и греческий, и индоиранские, и балтийские, и славянские) дает нам более архаичные формы. Наконец, третья с большой долей вероятности объясняется очень сильным воздействием субстрата автохтонных языков Малой Азии, повидимому, родственных иберийско-кавказским языкам, что последователи Марра стремились использовать для подтверждения домыслов своего учителя о «яфетической стадии» в развитии индоевропейских языков²⁷. Тот же иберийско-кавказский субстрат вскрывается и в армянском языке, где он получил совершенно ложное истолкование в работах И. Я. Марра («переходность» армянского языка) и более правильное (но все же спорное) — в работах проф. Г. Капанцян²⁸. Действие субстрата убедительно вскрывается и в развитии ряда других групп индоевропейских языков и отдельных языков

²⁶ Под термином «субстрат» понимают следы воздействия прежнего языка населения, усвоившего новый язык (например, так называемое «показанье», как предполагаемый след финской фонетической системы в некоторых русских говорах). Термин «суперстрат» обозначается воздействие языка пришлого населения, которое смогло ассимилировать язык коренного населения, но оказало на него воздействие (например, романский элемент в английском языке).

²⁷ См. статья А. Д. Удальцова, С. П. Толстова и М. И. Артамонова о происхождении индоевропейцев («Кр. сообщ. Ин-та этнографии АН СССР», вып. I (1946) и «Вестн. Ленингр. гос. ун-та», 1947, № 2).

²⁸ Ср. Г. Капанцян, Хайаса — колыбель армян.

и даже отдельных их диалектов. Так, можно упомянуть о «пиктском» субстрате в древнеирландском языке, проявившемся главным образом в области синтаксиса. Явления цоканья в севернорусских говорах предположительно объясняются следами фонетического строя поглощенных финских языков у ославянившихся финских племен, но с другой стороны, нет никаких оснований объяснять финским или каким-либо иным субстратом такое явление южнорусских и среднерусских говоров, как аканье.

Восточнофинским субстратом объясняются некоторые особенности чувашского языка. Ряд явлений в лексике английского языка, входящего в группу западногерманских языков, объясняется последовательными влияниями кельтского языка, скандинавских диалектов, французского языка (последний был внесен норманнами — скандинавами по происхождению, но носителями французской речи), что, однако, не означает, что английский язык перестал быть германским языком, так как его грамматический строй и основной словарный фонд сохраняет свою историческую преемственность с общегерманским языком-основой.

Влияние язычного субстрата ограничивается обычно лексикой, некоторыми словообразовательными элементами, отражается незначительно на качестве звуков, акцентологии, в интонационном строе предложения, порядке слов, но не затрагивает, как правило, ни основного словарного фонда²⁹, ни грамматического строя. Следовательно, субстрат не вносит существенных изменений в систему победившего языка, не вырывает его из языковой семьи, хотя иногда и способствует обособлению родственных языков, углублению различия между ними. К объяснению языковых изменений действием субстрата нужно подходить очень осторожно, и во многих случаях такое объяснение очень гадательно. Так, спорным является объяснение действием субстрата так называемого «передвижения согласных» в германских языках. Это явление наблюдается и в других индоевропейских языках, хотя нигде оно не проведено с такой последовательностью. Наиболее близко к германскому «передвижению» изменение древнего индоевропейского консонантизма в армянском языке. Н. Я. Марр объяснял и то и другое явление сначала воздействием «яфетического» субстрата, а затем «переходностью» и германских и армянского языков от «яфетического» состояния к индоевропейскому. Сходным субстрат для обеих групп языков допускали, не смущаясь их территориальной разобщенностью, и некоторые буржуазные ученые (Ф. А. Браун, Бартоли). «Картвельский» характер этого субстрата в германских языках продолжает защищать Т. А. Дегтерева в своей докторской диссертации³⁰. «Теорию субстрата» не следует отбрасывать целиком, но применять ее нужно как гипотезу лишь в тех случаях, когда исчерпаны все возможности объяснения из внутренних законов развития языка. Увлечение «скреплениями» и «смешениями» было свойственно не только сторонникам «нового учения» о языке в СССР³¹. Оно сейчас очень широко распространено среди зарубежных лингвистов и требует к себе настороженного критического подхода. Даже при правильном понимании сущности процесса скрепления «обращения к этому пути объяснения возникновения того или иного факта языка может быть совершенно необоснованным. Между тем на Западе организованно поставлен (на 3-м международном лингвистическом кон-

* Единичные заимствования, заменяющие отдельные слова исконного основного словарного фонда (например, слова Hand и Bein в немецком языке и т. п.), не являются ядом.

²⁹ Т. А. Дегтерева, К вопросу славянской языковой общности и происхождения древней общеславянской письменности (автореферат), М., 1951.

³¹ См. также (стр. 44—45) о «теории контакта» Д. В. Бубриха.

грессе в Риме в 1933 г.) вопрос о взаимодействии языков как основной причине языковых изменений³². Такая постановка вопроса совершенно неправомерна. Она по существу означает отрицание главенствующей роли внутренних законов развития языка и несовместима с основными положениями марксистского языкознания, изложенными в гениальном труде И. В. Сталина.

Может быть, ни одно научное положение не вызывало такого яростного отрицания со стороны марристов, как положение о том, что родство языков обуславливается их происхождением из общего источника. И может быть, этот вопрос был единственным, по которому среди последователей Н. Я. Марра никогда не было никаких расхождений. Отбрасывая иногда одно, иногда другое марровское положение, ни один из представителей «нового учения» о языке не отбрасывал положения о том, что родство языков есть явление вторичное, не восходящее к происхождению из общего источника. Родство языков объясняли «типологическим» сходством в результате действия сходных социальных условий, объясняли «эпистадинальностью», объясняли многократными скрещиваниями, объясняли неопределенными, неизвестно в силу чего и когда возникшими «историческими связями», объясняли «первобытной лингвистической непрерывностью», объясняли, наконец, соединенным действием всех этих «факторов» — чем угодно, но только не происхождением из общего источника. Акад. И. И. Мещанинов в своей дискуссионной статье в газете «Правда»³³ повторил в самом общем виде формулировку, которая для любого марриста была одним из исходных положений: «...Родство языков не есть изначальное явление». Это иллюстрируется автором тут же конкретным примером: «...Если романские языки, в том числе французский и испанский, образовались в итоге смешения ряда других языков и дали многие моменты схождения, то в этих сближившихся языках, названных романскими, участвовали сходные компоненты, так же как участвовали они в образовании соответствующих народов, поздней наций. Этим и обосновывается исторически образовавшееся схождение языков, классифицируемых по группам»³⁴. Современным романские языки рассматриваются здесь не как результат поглощения местных языков «вулгарной латынью», а как результат трансформации этих местных языков (кельтских, иберийских и т. д.) в процессе их скрещивания с латынью.

Необходимо отметить, что Марр и его ученики искажали сталинское положение о смешанном характере современных наций, механически перенося это положение на язык. Так, И. И. Мещанинов в той же дискуссионной статье в «Правде» писал: «Если каждая нация и каждый народ представляют собою смешение различных слагаемых, то и их языки являются исторически сложившимися образованиями того же рода».

Уже достаточно говорилось и писалось о космополитическом характере выводов, которые логически следовали из отрицания «учениками» Марра генетического характера языкового родства, из признания возможности «стадиальных» трансформаций иберов в кельтов, киммерийцев в скифов, скифов в славян и т. п. Пусть некоторые исследователи вопросов этногенеза

³² См. Atti del III Congresso internazionale dei linguisti (1933). Firenze, 1935. Стр. 23—51 «Труды» этого конгресса заняты сообщением ван-Ганнекена, Бартоли, Пиани, Терраччии и других лингвистов, посвященным указанному вопросу. Отдельные высказывания этих лингвистов могут быть сближены до известной степени с положениями так называемого «нового учения» о языке, касающимися роли и характера скрещивания языков.

³³ И. И. Мещанинов, За творческое развитие наследия академика Н. Я. Марра, «Правда» от 16 мая 1950 г.

³⁴ Ср. также И. И. Мещанинов, Новое учение о языке на современном этапе развития, Л., 1947.

(А. Д. Удальцов, С. П. Толстов и др.) отвергали примитивные схемы этих стадийальных трансформаций в том виде, в каком их преподносили нам В. И. Равдоникас или Н. С. Державин, — суть дела от этого мало менялась. Ведь если, например, признавалось, что в первые века н. э. племена различного происхождения «славянизировались» — не в смысле усвоения ими славянской речи (что вполне возможно, а в отдельных случаях и бесспорно), а в смысле возникновения нескольких самостоятельных очагов славяинства, не связанных первоначально друг с другом, то подобные взгляды, по сути дела, вели к полному отрицанию самого факта языкового родства. Такие взгляды высказывались, к сожалению, и после лингвистической дискуссии в «Правде» и выхода в свет трудов И. В. Сталина по языкознанию. В качестве примера можно привести тезисы доклада А. В. Арциховского, который никогда не был сторонником «нового учения» о языке. Тем не менее в его докладе, прочитанном на сессии Института истории материальной культуры АН СССР в 1951 г., говорилось о возникновении этнического единства как германцев, так и славян только в процессе борьбы этих народов против западноевропейской или восточноевропейской империи³⁵. Можно указать второе издание автореферата докторской диссертации Т. А. Дегтеревой, где так же, как и в первом издании (напечатанном до дискуссии), автор заставляет германские языки пройти ряд этапов развития — гунно-тюркский, карельский, славяно-скифский и, наконец, собственно-германский³⁶.

Такие факты, имевшие место в самое недавнее время, а также широко распространенная среди советских этнографов упомянутая выше «теория первобытной лингвистической непрерывности» проф. С. П. Толстова, по существу отрицающая происхождение языковых семей из единого источника, заставляют советских лингвистов ставить вопрос об образовании и развитии языковых семей со всей остротой. Разработка этой проблемы может вестись только исходя из признания факта, что есть языки родственные (близко родственные или более или менее отдаленно родственные) и есть языки неродственные, языки разные по своему происхождению. Промежуточных явлений нет и не может быть. Понятие «языкового гибрида» есть фикция. Оно несовместимо со сталинским положением о том, что «при скрещивании один из языков обычно выходит победителем, сохраняет свой грамматический строй, сохраняет свой основной словарный фонд и продолжает развиваться по внутренним законам своего развития, а другой язык теряет постепенно свое качество и постепенно отмирает»³⁷.

Так, например, еще можно при современном состоянии науки спорить о том, является ли хеттский (неситский) язык индоевропейским или неиндоевропейским. Но хеттский (неситский) язык должен быть признан или таким же индоевропейским языком, как греческий или санскрит, если индоевропейские элементы его структуры победили и заставили его развиваться по внутренним законам языков этого типа, или он должен быть признан языком неиндоевропейским, несмотря на все свои бесспорные индоевропейизмы. Каким-либо полундоевропейским или «индоевропейским» он быть не мог.

Н. Я. Марр был частично прав, находя в армянском языке пберо-кавказские («яфетические» по его терминологии) элементы (частично он их

³⁵ В своем выступлении на Объединенной сессии по методологии этногенетических исследований (29 октября — 3 ноября 1951 г.) проф. А. В. Арциховский признал неудачность своих формулировок, дающих повод для антиисторических выводов.

³⁶ Т. А. Дегтерева. К вопросу славянской языковой общности и происхождения древней общеславянской письменности, М., 1951.

³⁷ И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, стр. 29—30.

и устанавливал неверно)³⁸, но он был совершенно не прав, когда считал на этом основании армянский язык «языком-гибридом». Армянский язык при всех своих «яфетидизмах» такой же индоевропейский язык, как латинский или литовский.

Последователи Н. Я. Марра иногда говорили, что они не против самих языковых семей, а только против признания их замкнутости. Такая точка зрения развивалась, например, проф. А. В. Десницкой, говорившей о «разной степени вхождения» отдельных языков в индоевропейскую языковую семью³⁹. Однако «незамкнутой» языковая семья не может быть, если мы включаем в нее только языки, которые произошли из общего источника и которые при скрещивании с языками иного происхождения оказывались победителями и продолжали развиваться по своим внутренним законам. Само собой разумеется, что замкнутость понимается здесь не как обособленность от всякого иноязычного влияния в развитии языковой семьи. Она должна пониматься не в плане структурном, а лишь в плане генетическом, как утверждение факта происхождения всех языков данной языковой семьи из общего источника, от общего языка-основы.

При современном состоянии науки у нас нет никаких оснований утверждать, что, например, индоевропейские языки находятся в отношениях родства с финно-угорскими или семитскими, но нет оснований и категорически отвергать это родство, так как некоторые факты, указывающие на возможность генетических связей этих семей в далеком прошлом, имеются. Свести же эти языковые семьи к единому источнику мы пока не можем (и может быть никогда не сможем) и поэтому мы должны считать их перодетивными. Каждая из этих трех языковых семей остается в этом смысле, по крайней мере на современном этапе развития сравнительно-исторического языкознания, замкнутой. Отрицая эту неизбежную замкнутость языковых семей, сторонники «нового учения» о языке пытались извратить ее понимание у противников, подменяя ее мифической «расовой обособленностью» языковых семей, которую отрицает даже значительная часть буржуазных языковедов и которую никогда не отстаивал ни один из советских ученых. Эта недобросовестная демагогическая фальсификация марристов принесла огромный вред советской науке о языке, препятствуя изучению языкового родства и тем самым ослабляя возможность изучения внутренних законов развития отдельных языков. Усвоение же этой точки зрения археологами и этнографами, занимавшимися вопросами этногенеза, придало антинаучный характер и всем этногенетическим исследованиям последних лет.

Итак, необходимо со всей решительностью подчеркнуть, что языковая семья замкнута. Это вытекает из учения И. В. Сталина о характере скрещивания языков, о языке-победителе. Малейший компромисс в этом вопросе ведет к возрождению в той или иной форме марровского учения о единстве глоттогонического процесса. Туда же идут «теория первобытной лингвистической непрерывности» (С. П. Толстов) и «теория контакта» (Д. В. Бубрих), если мы будем подходить к ним как к «теориям». Факты «лингвистической непрерывности» и факты «контакта» были и есть и давно хорошо известны лингвистам. Эти факты возникают всегда в определенных исторических условиях и в рамках этих условий играют свою историческую роль. Но универсализировать эти факты, возводить их в «теорию» можно только в том случае, если мы примем марровский тезис о том, что господствующим путем развития языков является путь от множества к

³⁸ Эти ошибки Н. Я. Марра подвергнуты критике в диссертации Р. О. Санталая «Основные этапы истории арменистики», Ереван, 1951 (см. автографат, стр. 18—20).

³⁹ А. В. Десницкая, К проблеме исторической общности индоевропейских языков, «Изв. АН СССР, Отд. лит-ры и языка», 1948, стр. 250.

единству (истати сказать, тезис, выдвинутый еще до Марра К. Кауцским). Это можно сделать только в том случае, если мы не будем отвергать этот марровский тезис, а будем стараться его «уточнить» и реформировать, если мы будем допускать, что в доклассовом обществе, когда складывались существующие и сейчас языковые семьи, скрепление языков имело не тот характер, который указан И. В. Сталиным, и что тогда, в отличие от исторических эпох, в результате скрещивания неродственных языков могли возникать языки нового типа.

Положения И. В. Сталина, касающиеся скрепления языков, сформулированы совершенно ясно и четко и не допускают никаких кривоколков. Уничтожающая критика И. В. Сталина направлена не против каких-то теорий «вообще», касающихся смещения или слияния языков, которые существуют в науке в самых разнообразных вариантах, а против антинаучной точки зрения Н. Я. Марра, который занимался прежде всего «сумерками доистории» в развитии языков, и, следовательно, эта критика показывает невозможность «скрещения» в марровском смысле в любые эпохи, в том числе и в эпохи существования родовых и племенных языков.

«Теория первобытной лингвистической непрерывности», которая, как указано выше, отрицает происхождение родственных языков из единого источника, есть абстрактная, не обоснованная массовыми фактами схема, подгоняющая под единый шаблон развитие языков всего мира.

В качестве такого шаблона создателем этой теории проф. С. П. Толстовым⁴⁰ взяты наблюдения Н. Н. Миклухо-Маклая на побережье Новой Гвинеи, установившие, что между соседними деревнями почти не наблюдается различий в языке, а по мере отдаления такие различия постепенно нарастают. Факты эти должны быть уточнены новыми наблюдениями, и генезис их может получить объяснение только тогда, когда будет изучен характер этих различий наряду с характером и наблюдаемого сходства. Само по себе такое наблюдение ничего не может дать, так как факты такой «непрерывности» хорошо известны в пограничных зонах между близко родственными языками (например, романскими, между польским и словацким в западных Карпатах, между сербским и болгарским в Македонии). Всюду, где эти факты известны, они объясняются концентрацией диалектов одной или языковой группы в языки народностей (и позже наций) с сохранением явлений «переходности» на границах территорий сложившихся народностей (наций), особенно при недостаточной устойчивости политических границ или при вхождении народности в состав многонационального государства (например, бывшая Австро-Венгрия, бывшая Османская империя). Никаких выводов из этого для происхождения самих языковых групп, на границах которых наблюдается такая «непрерывность», сделать нельзя. Такие факты наблюдаются только между близко родственными языками, а самый факт родства их обусловлен происхождением из общего источника, существовавшего за много веков до того, как в результате концентрации диалектов обособились отдельные языки данной группы⁴¹.

⁴⁰ См. «Советская этнография», 1950, № 4, стр. 19.

⁴¹ На Объединенной сессии институтов Отделения литературы и языка и Отделения истории и философии АН СССР, посвященной методологии этногенетических исследований, в докладе Н. А. Бутинова «Происхождение австралийцев и меланезийцев» была сделана попытка обосновать эту теорию на материале всех австралийских языков и доказать «непрерывность» в отношениях между всеми этими языками. Докладчиком приводились единичные, вырванные из системы языка факты, не свидетельствующие о подлинном знании им этих языков и взятые из различных работ о них. Но если бы нарисованная автором картина языковых отношений Австралии оказалась правильной (что весьма сомнительно), то мы должны были бы принять положение о

Поэтому, языкознание не может принять «теорию первобытной лингвистической непрерывности», не отказавшись от основных своих положений, добытых в результате применения сравнительно-исторического изучения родственных языков. А отказываться от этих положений у нас нет никаких оснований.

Только при такой постановке вопроса возможна плодотворная разработка проблемы образования и развития языковых семей, хотя, конечно, все время надо помнить, что каждая языковая семья возникла не на каком-либо месте, что ей что-то предшествовало, что человеческая речь существовала уже многие тысячелетия до образования существующих сейчас семей языков и что ни одна из этих семей не может восходить к эпохе возникновения звуковой речи.

Проблемы этногенеза не входят в число собственных задач языкознания как науки. Лингвистика должна заниматься историей языков в тесной связи с историей народов, их творцов и носителей, но не самой историей народов. Однако и этногенетические вопросы не могут быть разрешены без привлечения языковых данных. Поэтому и лингвисты должны активно участвовать в комплексной разработке проблемы происхождения и развития народов. Но успешность этого комплексного изучения с участием лингвистов требует принятия положения, что язык есть важнейший признак этнической общности, но не единственный ее признак. Народ может сменить свой язык, подчинившись влиянию другого языка и влившись в состав народа — носителя победившего языка. Следовательно, прослеживаемая археологами преемственность в развитии материальной культуры на какой-либо территории не может служить решающим показателем существования непрерывной языковой традиции на этой же территории, точно так же, как исторически засвидетельствованный факт появления какого-либо языка на определенной территории не означает, что в образовании современного народа, говорящего на этом языке, не участвовало древнее иноязычное население данной территории, усвоившее язык пришельцев.

родстве всех австралийских языков между собой, т. е. о происхождении их из единого источника. В докладе Н. А. Бутинова (см. напечатанные тезисы его) «теория» С. П. Толстова доведена до полного абсурда, при котором даже пришлое (со своим языком) население «превращается постепенно в одно из промежуточных (для данного места) звеньев первобытной лингвистической непрерывности» (тезисы, стр. 4). Доклад Н. А. Бутинова вызвал решительные возражения участников сессии и никем не защищался.